Герда
Грау
Enginehandler:
Atropine

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воздействуя на глаз, атропин не только расширяет зрачки, но и изменяет преломляющую способность хрусталика. В этой новой преломляющей способности для Уоррена было откровением, что мокрые следы от ног и сигарета за ухом Теда Тейлора иногда совсем не раздражают...

- Вместо пролога
- Глава 1. Счастливого Хэллоуина!
- Глава 2. Призрак оперы
- Глава 3. Угощение или жизнь
- Глава 4. Вечеринка
- Глава 5. Человек-невидимка
- Глава 6. Эфирное создание
- Глава 7. Диверсант
- Глава 8. Аутодафе
- Глава 9. Поединок
- Глава 10. Подозрения
- Вместо эпилога

Атропин

Вместо пролога

— На какой черт тебе это старье?

Спрашивая, Уоррен оборачивается через плечо и смотрит на Теда, но тот только задирает колено повыше, пристраивает на нем гитару — древнюю, как самолет, деревянную, слишком большую для своего роста — и продолжает беззвучно шевелить губами.

— Есть же цифровые версии, они легче, — зачем-то продолжает Уоррен, отлично понимая, что говорит в пустоту, в крайнем случае — своей койке с аккуратно застеленным без единой складки одеялом.

— Доминантсептаккорд с пониженной квинтой, — сосредоточенно бормочет Тед, глядя сквозь Уоррена в начало зарождения вселенной, никак не меньше.

— Я был бы тебе признателен, если бы ты иногда делал вид, что я не пустое место…

— Малый нонаккорд…

Уоррен отворачивается и снова смотрит в окно на унылые кусты вдоль казармы, на медленно гаснущий рельс солара в «небе» Аайи, на сгущающиеся тоскливо-зеленые сумерки. Он сминает в кулаке пустую сигаретную пачку и почему-то думает о самоубийстве.

Отдельный бокс в медблоке они получили всего на две недели, из-за недобора массы — Тед, и из-за обследования глазного дна — Уоррен. Воздействуя на глаз, атропин не только расширяет зрачки, но и изменяет преломляющую способность хрусталика. В этой новой преломляющей способности для Уоррена было откровением, что мокрые следы от ног и сигарета за ухом Теда Тейлора иногда совсем не раздражают, а бездарный (бездарный, просто бездарный) перепев старых песенок пониженным до смешного голосом вызывает состояние эпилептического абсанса.

Нельзя сказать, что он не пытался бороться с этим побочным эффектом атропина, как и с разгильдяйством Тейлора. Однажды утром он притащил Теда из спальни обратно в ванную (тот лягался и выкручивался, но Уоррен был сильнее) и ткнул его носом в разлитый на полу шампунь и пустой тюбик из-под пасты. В его намерения входило не отпускать шею Теда до тех пор, пока тот своими руками не выбросит и не вытрет все, что нужно. Но стоило Теду встать на колени и нагнуться к полу, как Уоррену пришлось бросить его, пулей вылететь из ванной и запереться в туалете, пока унизительное положение вещей не стало очевидно

наглому Тейлору.

Хуже этого были только визиты контуженого старшекурсника по кличке Полип, который заходил в их бокс послушать гитарный перешлеп Теда на свои уродские стихи, и который однажды свернул нахамившего Уоррена в куль, пристроил возле дивана в качестве пуфика и уселся на него сверху с банкой пива. Тейлор хихикнул, поставил ногу Уоррену на спину, водрузил на коленку гитару и устроил Полипу импровизированный концерт, который длился около получаса. Все это время его ступня ездила Уоррену по лопаткам и плечу, пока Полип не вспомнил о том, что под ним живой человек, и не помог ему подняться, сунув в виде извинения в руку банку с пивом. Глаза самого Тейлора были скорее равнодушными, чем нахальными.

Нет, бывали, конечно, и просветы в действии проклятого лекарства, когда его отупляющий эффект давал трещину, и Уоррен мог рассуждать почти трезво, как сейчас, например, когда убеждал Тейлора в преимуществах цифрового варианта гитары. Он даже почти уважал себя за то, что мог при этом не смотреть в его сторону.

— Я заказал бы ее по сети с доставкой.

Может быть, у него даже выработается иммунитет…

— И оплатил бы, если бы ты согласился… — Уоррен проводит пальцем по гитарному чехлу, стоящему у стены, повторяя все его изгибы.

— Что? — Тед толкает его ступней в спину и смеется. — Что ты там несешь?

— Убрать отсюда эту гробину, — торопливо заканчивает Уоррен. — Она занимает много места.

— Отвали, — отрезает Тейлор, переворачивая на проекторе страницу с аппликатурами.

Глава 1. Счастливого Хэллоуина!

— Ну что, Эндрюс, готов к подвигам?

Дежурный офицер, вчерашний выпускник Полип, вышел на крыльцо, передернув плечами — обещали снег, и воздух уже был холодным, а то, что кружилось в воздухе, больше всего напоминало иней.

— Докурить можно? — мрачно буркнул Гейл.

— Докурил уже, — ответил тот. — Склад тебя ждет не дождется, так что не тяни резину. Раньше начнешь — раньше закончишь.

— Дайте хотя бы дроида…

— Обойдешься, — дежурный натянул фуражку на оттопыренные красные уши. — Катера бить вы все мастера, а как работать — так дроидов им подавай. Белоручки.

Гейл втянул в себя последнюю затяжку и с досадой метнул окурок в ближайшую урну. Стоявший рядом Тед неловко коснулся его плеча.

— Не расстраивайся, — сказал он. — Подумаешь, вечеринка. Я бы тоже не пошел, но мы уже обещали сыграть, неудобно будет перед ребятами.

Гейл с жалостью посмотрел на его малиновый от холода нос и поднятый воротник кителя, на котором искрились зачатки снега.

— Тебе-то чего отказываться? — как можно более равнодушно сказал он. — Иди, веселись, зажги там по полной за меня тоже. И вали уже с улицы, охрипнешь — петь не сможешь, поклонницы порвут на тряпки. Переживу.

Тед шмыгнул носом и виновато промолчал.

Склад недавно отремонтировали, и все имущество было свалено в проходах. Полип открыл дверь и вручил ему план с обозначениями стеллажей и маркировками имущества: заполнять полки следовало в строгом соответствии с указанными значениями. Когда Гейл переступил порог склада, лицо его вытянулось. Он еще раз посмотрел в бумажку и злобно лягнул ближайший ящик носком ботинка. Склад заполнялся по принципу «последний на выходе — первый на входе», это значило, что лежащее ближе всего ко входу барахло придется таскать к самым дальним стеллажам на складе, и пока он дойдет до следующей позиции, намотанный километраж приблизится к марафонской дистанции.

— Что-то не так, Эндрюс? — с намеком спросил Полип.

— Все хорошо.

— Обращаясь к старшим по званию, нужно говорить «сэр».

— Все хорошо, сэр, — Гейл демонстративно сделал ударение на последнем слове.

— То-то же, — Полип достал из кармана браслет. — Давай руку. Допустимый радиус отклонения от склада — десять метров, отойдешь дальше — пеняй на себя, ты и так в одном шаге от отчисления, больше нарушать не советую. На складе не курить. И на всякий случай говорю, что никаких кодов к браслету не существует, изменить его программу нельзя, и сдать ты мне его обязан утром в целости и сохранности.

— Я что, до утра тут буду пахать? — удивился Гейл. — Отбой же в одиннадцать.

— Это в обычные дни, а сегодня праздничная ночь, ты же все равно собирался провести ее без сна, вот и поработай на благо родного училища. Если совсем срубишься — в торце склада бельевая, можешь там поспать. Но злоупотреблять этим не стоит, склад не отапливается, будешь много дрыхнуть — к утру превратишься в ледышку. Так что бодрее и энергичнее. Все ясно?

— Все.

Полип, собравшийся протянуть ему бумажный пакет, задержал его в воздухе.

— Сэр, — добавил Гейл.

— Твой праздничный ужин. Счастливого Хэллоуина!

Гейл с ненавистью посмотрел на его удаляющуюся спину, потом на браслет с мигающим диодом и на свалку в проходах — никакого энтузиазма гора коробок у него не вызвала. Понятное дело, что к утру он не заполнит склад и наполовину, даже если будет работать без остановки. Дроиды справились бы с этим куда быстрее и лучше, но тогда наказание не было бы наказанием. Он заглянул в пакет, вытащил оттуда яблоко и, усевшись на ближайший ящик, принялся меланхолично жевать. Холод набирал силу, снег в дверном проеме пошел уже крупными и красивыми, почти праздничными хлопьями, издалека была слышна музыка. Гейл вздохнул, отбросил огрызок в угол и взялся за первую коробку.

***

Во что обошелся пригласительный билет, Уоррен предпочел бы не рассказывать, но спрашивать было некому. Чистое безумие, но два года вынужденно непорочного существования научили его притворству поистине дьявольскому и не менее дьявольской изворотливости. Медицинское образование, даже с ограниченным доступом к препаратам, было неплохим подспорьем в определенного рода знакомствах, хотя, когда он встречал этих знакомых при свете аайских соларов, то старался натянуть

темные очки. Очки скоро вошли в привычку, и сам он уже не помнил, когда последний раз выходил на улицу без них.

Два последних года он не позволял себе смотреть в сторону бывшей альма-матер, старательно стирая все неприятные воспоминания об отчислении и тренируя силу воли, пока судьба не решила проверить его на прочность и не подбросила ему эту игральную кость с выпавшей шестеркой очков.

Фотографии Эндрюса в местных газетах (пропавшего, разыскиваемого, найденного, миллион кредитов тому, кто свернет ему шею) практически совпали с новостью о хэллоуинской вечеринке в училище (живая музыка, с восьми вечера и до включения верхнего света, костюмы любые). Назвать это простым намеком судьбы было бы несправедливо, в этом было почти дружеское приглашение.

Как проводятся в училище хэллоуинские вечеринки, он тоже еще хорошо помнил, успел побывать на двух из них и не жалел, несмотря на всю свою нелюбовь к таким сборищам. Под праздник отдавался главный корпус с актовым залом, сооружалась сцена, монтировалась акустика и освещение, расставлялись столы и обогреватели вдоль стен, тогда как центр зала представлял собой один большой танцпол. На входе проверялись только пригласительные билеты, потому что костюмы и грим делали участников одинаково неузнаваемыми, и дальше, в жаркой темноте зала, каждый был сам за себя. Ведьмы с вампирами дергались в макабрических танцах, пока на сцене в малиновом сиропе прожекторов, обнимая микрофон …

— Почта доставлена, — сказал автоматический голос.

Уоррен вздрогнул, подошел и откинул крышку доставки, вытянув серебристый пакет со знаком известного магазина «Бести», украшенный символическим изображением тыквенной головы на красном шнурке. Ухмылка Джека-фонаря была издевательски понимающей. До этой секунды Уоррен еще колебался, втайне надеясь, что почта опоздает, и таким образом все решится без его участия, но теперь отступать было бы трусостью.

Костюм он выбирал для себя со смыслом и практической ценностью — маска закроет лицо настолько, что узнать его будет нельзя, и в то же время оставит открытым достаточно, чтобы не возбуждать подозрений у контролеров, имеющих право попросить снять ее.

Он приложил маску к лицу и некоторое время стоял так, разглядывая свое отражение. Когда-то одна девушка сказала ему, что он красив, хотя дальше простых заигрываний дело тогда не продвинулось, и собственную внешность он никогда не оценивал.

Но сейчас ему пришло в голову взглянуть на себя и с этой точки зрения. Выразительными были только глаза, он это знал, потому что в медицинской маске всегда вызывал у пациентов приступы откровения. Остальное, на его взгляд, было вполне стандартным набором мужских черт, хотя и не лишенных определенной привлекательности. А вот с улыбкой он много выигрывал, улыбка у него была открытой, белозубой и почти мальчишеской. Он примерил плащ и усмехнулся — можно быть любого сложения, никто не сможет описать фигуру точно в случае надобности. Эти костюмы вот уже две недели совершенно свободно продавались во всех магазинах Аайи, но Уоррен все равно купил его через сеть в другом секторе с доставкой пневмопочтой. Чем меньше свидетелей, тем лучше.

Глава 2. Призрак оперы

— На разогреве мы будем первый час только, — сказал бас-гитарист Крис Суини, протягивая Теду банку с пивом. — Потом в середине часок и в конце закрываем праздник, все как обычно. Никому не упиваться в хлам, слышали? Чтобы не как в прошлый раз.

— Сколько ты еще будешь вспоминать этот проклятый раз? — возмутился Айвор Девилер, ударник их маленького квартета. — До моей смерти? Не ронял я эту проклятую установку, понял? Не ронял!

— Конечно, она сама упала, — иронично протянул Крис, толкая Теда локтем — сейчас начнется потеха. — Она всегда падает у мальчиков, которые хлещут виски вперемешку с мартини между выступлениями, да, детка? А потом вся группа за это огребает.

— Нечего валить с больной головы на здоровую! — Айвор, ненавидевший, когда всякие сопляки называют его деткой, толкнул Криса в грудь, и пиво из банки плеснуло на пол. — Я вообще стоял от нее далеко, если ты этого с перепою не увидел.

— Я точно знаю только то, что был с другой стороны сцены, Тейлор в середине, Али — сзади. А нас на сцене всего четверо. Значит что?

— Ничего это не значит!

— Да брось, хватит нести чушь, твой косяк — имей мужество признаться.

— Если я что-то делаю — я за это отвечаю, — сквозь зубы процедил Айвор, надвигаясь на Криса. — И с этой злодолбучей установкой мне не в падлу признаться, но я ее не ронял. Заруби это себе на носу.

Тед вклинился между ними и растопырил локти в стороны.

— Не деритесь, — мирно сказал он. — Ну, бывает такое, вещи сами падают.

— Бывает, — неожиданно горячо поддержал его Айвор, оборачиваясь к нему. — Еще как бывает. Я однажды сидел в казарме ночью на толчке, все уже спали, и вдруг стакан разбился прямо перед моей дверью. А ведь в туалете никого не было, я бы услышал, что дверь кто-то открывает, слух у меня острый, да и стакану просто неоткуда было там взяться.

— Скажи лучше, какой ты на своем толчке цветочек нюхал, — заржал Крис. — Не черный случайно? Не зря, небось, ухо востро держал?

Айвор покраснел и, обращаясь к одному Теду, добавил:

— Если бы это был глюк, я бы понял, но ко мне под дверь стекло влетело. Здоровенный осколок, в ногу мне впился. Пока я его вынимал, кровищи натекло ужас сколько, вышел — а за дверью никого. И других осколков тоже нет. Шрам могу показать.

— Ничего себе, — искренне сказал Тед. — Больно было?

— Да нет, просто странно. Вот и с этой установкой тоже какая-то ерунда произошла. Она сама поползла к краю. Вы все дальше стояли и не видели, а я был сантиметрах в тридцати от нее. Хотел удержать, но она все равно свалилась. Вот и что это, черт меня дери, было?

— Я знаю что, — засмеялся Али. — Дурацкий дрифтерский розыгрыш. Небось, встроили в установку колесики и запустили, а ты повелся. Ты же знаешь, что они нам завидуют, курицы безголосые. У выводящих всегда с дрифтерами война, они и не такое могут из вредности.

— Ну, может, — неохотно согласился Айвор. — Лучше они, чем «призрак оперы».

— Какой еще призрак? — подозрительно сказал Крис. — У связисток в общаге мюзиклов насмотрелся?

— Нет, мне один человек рассказал, я ему доверяю, он врать ни за что не станет, — Айвор присел на край сцены и глотнул пива, уставясь перед собой в пустоту прищуренными глазами. — Он говорил, что когда Аайю ставили на орбиту, куча народу погибла, и местные дрифтеры тоже были среди них. Кто-то совсем умер, а кто-то успел оставить часть себя в любимых машинках, и получилось что-то вроде бессмертия. Кто где застрял, а один до сих пор живет в училище и проявляет себя только на таких вот концертах. Он при жизни любил музыку, и его сознание обычно спит, но оживает, когда определенные частоты звука начинают колебать эти стены. Вроде как слышит своего выводящего и пытается выйти из дрифта. Только тела у него нет, и возвращаться ему некуда, вот и буянит со злости.

— Херня, — заявил рассудительный Али. — Бабкины бредни. Чувак тебя на понт взял, а ты повелся, как малолетка. Давайте начинать, придут дроиды столы расставлять, уже не поиграем.

Айвор встал и, не говоря ни слова, перебрался за ударную установку.

Рассказ по непонятным причинам задел Теда и напрочь испортил настроение. Во рту стало кисло, словно коснулся языком контактов батарейки, даже металлический привкус появился, и, отыграв три песни, он попросился покурить — хотелось забить неприятное ощущение во рту. Пока дым сигареты улетал в искрящийся морозом воздух, он пытался себе представить, каково это, быть сознанием без тела, и насколько

страшно вдруг осознать это. Нет, он предпочел бы погаснуть вместе с цепями, хотя с ним такого уже не случится, он не дрифтер. Это разве что с Гейлом может быть, тот вечно лезет, куда его не просят, и никого не слушает.

— Бу! — гаркнул ему в ухо динамик на столбе, развернув в его сторону железную «голову».

Тед дернулся от неожиданности, поскользнулся на обледеневшем крыльце и с размаху шлепнулся на ступени. Вайз, ради праздника нацепивший красные кривые рожки, запустил в него снежком, который держал в руке. Снег рассыпался колючим холодом прямо за ворот его свитера.

— Идиот! — рявкнул Тед, отряхиваясь.

— Ты чего такой злой, Принцесса? — удивился Вайз, протягивая ему руку.

— Ничего, — Тед постарался приглушить в голосе истерические нотки, отпихнул его руку и встал сам. — Надоели ваши дебильные дрифтерские шуточки, вот чего.

— Ну, извини, — Вайз обиженно потер затылок. — Я не хотел.

— Иди ты, — огрызнулся Тед.

— Я серьезно, — Вайз схватил его за рукав свитера. — Не сердись. Послушай, у меня сегодня свидание с одной рыжей ведьмочкой, чертовски аппетитная особа.

— Рад за тебя.

— Да погоди ты, — Вайз поморщился. — Ее подружка сболтнула тут, что я не в ее вкусе, и мне вряд ли что светит сегодня темной ночкой. Другой кандидатуры я уже не найду, а вот у нас тут народу до хрена. Понимаешь?

— Нет.

Вайз решительно потянул его за рукав к себе и заглянул в лицо.

— Ты же все равно будешь петь сегодня, разогрей ее для меня, а? — просительно сказал он. — Тебе, шестиоктавнику, это раз плюнуть, она и не заметит, а мне спасешь праздник.

Взгляд Вайза было совершенно серьезным.

— Ты рехнулся? — на всякий случай уточнил Тед.

— Слушай, ну что тут такого-то? — разозлился тот. — Я же не убить ее прошу, а всего лишь завести для удачной вечеринки, остальное я сам сделаю, в обиде она потом не будет, гарантирую.

— Акустические директивы запрещены вне работы.

— Так мы же с территории ни ногой. Тейлор, у тебя сердце есть? — Вайз с силой ткнул его пальцем в свитер. — Или там кусок льда? Помогать влюбленным благородно, между прочим.

— Ты влюбленный, — ядовито сказал Тед. — Только каждую

неделю в кого-то нового.

— Я в поиске, — простодушно объяснил Вайз. — Но мне пока не везло.

Тед заметил, что в нагрудном кармане у Вайза торчит фотография. Он протянул руку из любопытства, но Вайз с готовностью всунул ему изображение и в два прыжка отскочил назад.

— Спасибо! — крикнул он, сцепив руки в дружеское рукопожатие. — Должен буду!

— Стой!

Вайз вопросительно обернулся, снежинки таяли у него на лице и стекали каплями по щекам, словно он только что плакал. Вместо того, чтобы отдать ему фотографию, Тед зачем-то спросил:

— Ты когда-нибудь слышал о призраке оперы?

— Чего?

Удивленный вид Вайза заставил Теда махнуть рукой.

— Так, ничего. Иди уже.

Глава 3. Угощение или жизнь

В каждом отсеке Аайи был свой собственный Хэллоуин, и отмечался он по скользящему графику в строгом соответствии с планом проведения техобслуживания соларов, когда на целых трое суток отключалось одно из звеньев центральной осветительно-отопительной шины — то есть, в самое темное и холодное время года. Улицы накрывала темень, космический холод пробирался сквозь обшивку внутрь станции, и из системы кондиционирования валил замерзший конденсат. Люди по возможности переезжали на это время в другие отсеки, а те, кто не мог покинуть насиженное место из-за работы или учебы, старались отсидеться дома, кутаясь в пледы и балахоны, или греясь на зажигательных вечеринках.

— Покупайте маски, надевайте костюмы, сегодня самая долгая ночь в году! — проорал прокатившийся мимо рекламный дроид в виде колдуна в островерхой шапке. — Берегите тепло живых, бойтесь холода мертвых!

На плече дроида наперегонки подпрыгивали черные с оранжевыми огнями тыквенные головы, насаженные на колья. У одной из голов были кривые зубы, у другой косые глаза, выглядело это отталкивающе уродливо.

— Сладость или гадость! — проорала голова. — Угощение или жизнь!

И то, и другое, на взгляд Уоррена, было полнейшим бредом. Цены на такси в такие дни безбожно взлетали, и поэтому он позволил себе (совсем немного, минут пять) полюбоваться пустыми улицами с редкими прохожими, мелькавшими в свете резервных фонарей, и россыпью золотых конфетти на тротуаре. Ощущать превосходство было приятно — он сидит в тепле, и меховой плащ у него в ногах исключительно для маскировки.

Следующим шагом была встреча с училищем. На сто процентов он не был уверен, что контроль над эмоциями сохранится при виде знакомых стен, потому постарался этот момент немного оттянуть, но не настолько, чтобы на посторонний взгляд это можно было счесть трусостью. Скажем, минуты две будет вполне достаточно. Он сделал несколько глубоких вдохов, сосчитал до пятидесяти и снова дал такси команду двигаться, решив для начала объехать училище по кругу, чтобы вспомнить расположение зданий.

Забор, ограждавший училище, был высоким, но прозрачным. Уоррен с интересом прислушался к своим ощущениям, какие чувства вызывает у него этот вид? Понял, что уже никаких

особенных. Ожидание — может быть, но не более того. Он хорошо поработал над собой за это время.

Генераторы силовых полей, создающие рабочий периметр, выглядели как колонны, перемежавшиеся с витыми решетчатыми секциями. Заиндевевшие решетки казались белоснежным кружевом (обманчивое впечатление, металл был под напряжением даже в ночь Хэллоуина), учебные корпуса тоже успели охладиться до изменения цвета стен и посверкивали кристаллами льда, синеватыми в газовом свете.

Те редкие курсанты, кого он мог разглядеть сквозь решетку, передвигались между зданиями бегом, и знакомы они ему или нет, выяснить не представлялось возможным. Уоррену пришло в голову, что было бы неплохо встретить кого-нибудь из бывших однокашников, чтобы проверить свою маскировку. Такси продолжало медленно ползти вокруг училища, а он называл ангары и подсобные помещения. Перед глазами стояла пластиковая план-схема, висевшая когда-то в холле их казармы, он детально вспомнил ее, вплоть до обозначений уличных сортиров и направления аварийных выходов, от временных пакгаузов до контрольно-пропускных пунктов, и в который раз он убедился, что не способен ничего забыть. Иногда это доставляло неудобства, но с этим он уже научился жить.

За очередным поворотом такси притормозило, чтобы переждать сигнал регулирующего светофора. Улица была пуста, и Уоррен машинально скользнул взглядом по ближайшему зданию — вещевые склады не представляли никакого интереса, они обслуживались дроидами и…

Дроидами?

Он ударил кулаком по кнопке блокировки движения, привалился лбом к стеклу, благодаря зимнего бога за идею сегодняшних линз (очки испортили бы костюм), и жадно вгляделся в фигуру на пороге ангара. Не узнать Эндрюса было трудно, тот нисколько не изменился за два года, не подрос ни на сантиметр, разве что раздался в плечах. Он курил, сидя в майке на пороге склада, безрадостно ероша неизменно торчащие белесые лохмы, на одной руке красовалась пижонская татуировка, набитая в начале третьего курса, а на другой мигал браслет арестанта. Объяснение его пребыванию на этих задворках могло быть только одно — драгоценный любимчик умудрился-таки отхватить взыскание от Лаудера. Интересно, за что?

Дьявольски ироничная ситуация — их разделяли считанные метры, но Эндрюс понятия не имел, кто за ним наблюдает. В голову пришла захватывающая идея. Сладость или гадость? Уоррен несколько секунд подумал, быстро нацепил маску и плащ,

толкнул дверь и вышел наружу. Вдохнув полные легкие мороза, он направился прямиком к забору. В этом был и трезвый расчет — если Головастик его узнает, перелезть забор и затеять драку не сможет, да и побежать к Лаудеру ему тоже не удастся — браслет, насколько Уоррен помнил, серьезно ограничивал передвижения своего носителя и при нарушении радиуса действия выстреливал под кожу парализующее вещество и подавал сигнал на пульт. Сам он за два года своей учебы никогда «на браслет» не попадал, но слышал о нем от других, более опытных курсантов.

Головастик, наконец, соизволил его заметить, повернул в его сторону голову и уставился в прорези маски своими прозрачными, лишенными цвета глазами. Уоррен заставил сердце работать ровно и спокойно.

— Привет, — как можно нейтральнее обратился он к Эндрюсу, специально понизив голос и останавливаясь в шаге от решетки. — А где тут у вас вход? Сколько еду — одни сплошные заборы, никаких обещанных парковок.

Он помахал пригласительным билетом так, чтобы Эндрюс его разглядел. Однако пауза почему-то затянулась, и Уоррен испугался, что Головастик его все-таки узнал. Гадость. Дыхание сгустилось в воздухе клубами пара, и он уже был готов позорно отступить, но оказалось, Эндрюс просто раздумывает над ответом.

— Здесь поблизости входа нет, — наконец сказал он. — Тебе вон в ту сторону, и парковка там же. Но ты быстрее доберешься, если двинешь влево, а не вправо. Минут десять точно сэкономишь.

Уоррен испытал чувство, сходное с эйфорией — не узнал. Сладость. Костюм оказался превосходной маскировкой, даровавшей дивную свободу действий, и ему захотелось немного продлить это удовольствие.

— А ты чего здесь один, такой разгоряченный? — весело спросил он и сделал вид, будто пытается разглядеть что-то в глубине помещения. — Тут у вас приватная вип-вечеринка? Браслет — это пропуск?

Эндрюс помрачнел, затушил сигарету и встал.

— Украшение, — процедил он. — Короче, держись левой стороны.

— Спасибо, — давясь хохотом, крикнул ему Уоррен. — Угощение или жизнь?

— Угощение.

Уоррен перебросил ему в руки через забор конфету.

— Хороший выбор! Счастливого Хэллоуина!

Безмозглый Головастик сунул в рот леденец и даже не

поблагодарил, но Уоррену этого было и не надо. Поистине, судьба дарила ему сегодня один подарок за другим.

Глава 4. Вечеринка

Швырнув сигареты и зажигалку на крайний к двери стеллаж, Гейл снова взялся за работу и некоторое время честно старался не обращать внимания, что приложенные усилия выглядят каплей в море. Главное — шевелиться, другого способа согреться тут не было. Хэллоуин приближался, температура падала, и придуманное Полипом наказание явно было местью за загубленный когда-то спектакль, который пошел наперекосяк усилиями Гейла. Полип любил говорить, что месть — это блюдо, которое подают холодным, в данном случае смысл поговорки был буквальным.

— Стихоплет дешевый, — громко сказал Гейл невидимому Полипу. — Выскочка.

Голос его прозвучал не сердито, а обиженно, но заметить это было некому, коробки были молчаливыми слушателями. Через некоторое время он был вынужден прерваться — руки и ноги ощутимо сводило от напряжения. Он раскидал по стеллажам не меньше пары тонн, и тело требовало отдыха. Но стоило остановиться, и пот на теле неотвратимо начинал леденеть.

Гейл натянул на себя куртку, шапку и варежки, взял пакет с сухим пайком и поискал глазами укрытие. Полип говорил что-то о бельевой в торце склада, и Гейл нашел указанную кладовку. Маленькая по сравнению с остальным помещением комнатушка была почти до потолка завалена упаковками с формой, куртками и футболками. Окон в бельевой не было, зато дверь плотно закрывалась, а спрессованная одежда была хорошим утеплителем. Гейл на пробу плюхнулся спиной на кучу — мягко. Несколько минут он просто наслаждался покоем и жевал рогалик, но скоро лежать в гробовой тишине стало скучно.

Он посмотрел на часы — вечеринка уже началась, а у него из всех хэллоуинских радостей только сухая булка и подаренная случайным прохожим конфета. Это справедливо или нет? А раз это несправедливо, то почему бы ему не устроить себе собственную небольшую вечеринку?

Идея показалась стоящей. Диван у него есть, еда… Он заглянул в пакет — безалкогольная вечеринка лучше никакой. Очень кстати пришелся бы и пад, но подлый Полип первым делом забрал у него устройство под тем предлогом, что развлекаться арестованным не положено. Таким образом, Гейл остался не только без своей коллекции фильмов, но и без связи с Тедом, которого втайне рассчитывал попросить в перерыве между выступлениями притащить пива и бутербродов. Без подсказки в

дебрях ангаров его не найдет даже Шерлок Холмс.

Гейл немного подумал и развернул выданную Полипом бумагу — не может быть, чтобы на складе не нашлось ничего, что скрасило бы ему самую холодную ночь в году. Он дошел до раздела «аппаратура» и на одной из секций обнаружил пометку «УКВ-радиостанции». Совершив вылазку к указанному месту, он вытащил одну из них, повесил себе на плечо и вернулся в бельевую. Где-то вдалеке взлетела и разорвалась фейерверком ракета, на минуту осветив склад розовым огнем.

Закопавшись в кучу пакетов, он натянул наушники и попытался поймать какую-нибудь развлекательную волну, однако в эфире стояла странная тишина, нарушаемая только отдельными проблесками звуков: радиус покрытия станции оказался слишком мал и предназначался для учебных задач на выделенных диапазонах, остальные частоты для простоты задачи аппарат не принимал.

Но неудача Гейла вовсе не обескуражила. Он совершенно точно знал, что все происходящее в актовом зале в ночь Хэллоуина обязательно наблюдается видеокамерами и прослушивается дежурными офицерами в соседнем здании на случай беспорядков, и если каким-нибудь образом снять ограничение у радиостанции, то можно вместе с ними тайком послушать концерт в актовом зале. Гейл активировал декодер и встроился в простенькую для его нынешних умений радиостанцию.

***

It was a teenage wedding, and the old folks wished them well
You could see that Pierre did truly love the mademoiselle
And now the young monsieur and madame have rung the chapel bell,
«C'est la vie», say the old folks, it goes to show you never can tell

Уоррен специально занял столик в среднем ряду в самой середине. Первые ряды обычно пустели, когда наполнялось пространство перед сценой, а он не хотел сидеть в одиночестве у всех на виду. Последние ряды оккупировались парочками для страстных объятий под музыку, мешать им в его планы тоже не входило. Нынешнее место было идеальным настолько, насколько это вообще возможно, и даже чей-то затылок перед его лицом совершенно не мешал, напротив, дарил чувство защищенности. Всех музыкантов он знал по именам еще с первого курса: Али Горохов, Крис Суини, Айвор Девилер, Тед Тейлор — непобедимый квартет спевшихся выводящих, разгильдяи, которым все сходит с рук за прекрасные голоса и благодаря отсутствию конкуренции на праздниках в училище. Только им разрешалось не стричься и в будни занимать актовый зал для репетиций.

They had a hi-fi phono, boy did they let it blast
Seven hundred little records, all rockin' rhythm and jazz
But when the sun went down, the rapid tempo of the music fell
C'est la vie say the old folk, it goes to show you never can tell

Из-за холода в помещении все музыканты были в свитерах, у Теда он был белоснежным, и, как пятно прожектора, стоял перед глазами даже тогда, когда Уоррен не смотрел на сцену. Два с половиной года койка Тейлора стояла рядом с его кроватью, и за это время Уоррен успел увидеть его в бесконечном разнообразии одежды: полосатая пижама, форменная голубая рубашка, белый парадный китель, мятые джинсы, вязаная безрукавка, и даже кофта с капюшоном, но ни одну одежду Тед не любил так, как безразмерные, растянутые словно их колесовали, вязаные свитера. Этот раньше принадлежал Эндрюсу.

— Чувак, тебе не плохо, часом? — встревоженно спросил кто-то, склонившись к его уху.

— Мне хорошо, — коротко ответил он.

They bought a souped up jittny, was a cherry red fifty three
They drove it down to Orleans to celebrate their anniversary
It was there where Pierre was wedded to the lovely Mademoiselle
C'est la vie say the old folk, it goes to show you never can tell

Эндрюса Уоррен презирал с самого начала их знакомства. За тупое упрямство, за неумение видеть очевидное и еще за то, что, когда эта дубина, пользуясь перерывами в зубрежке, устраивала себе физкультурные пятиминутки, отжимаясь в проеме между койками, Тейлор неизменно брал гитару и, хохоча, наигрывал ему бравурные маршики, сидя на ближайшей к проему койке, которая, между прочим, принадлежала ему, Уоррену. И он ее заправлял не для того, чтобы Эндрюс, устав от своих физкультурных экзерсисов, усаживался на нее задницей.

В один из таких перерывов Эндрюс взял вдруг у Тейлора гитару, пристроил у себя на коленях и исполнил старый хит какой-то чокнутой группы многовековой давности. Пел он бездарно, блямкал по струнам еще гаже, но против ожидания, Тейлор не только не отобрал гитару (Уоррена однажды чуть не убил за то, что тот просто переставил ее на другое место), но и истерически подвывал ему, сгибаясь пополам и вытирая слезы тыльной стороной ладони. Эндрюс, который все и всегда принимал за чистую монету, отбросил гитару и вернулся к своим отжиманиям. Уоррен смотрел, как ходят у него мышцы под кожей, погибая от бессильной ненависти к его белесым волосам и мокрой спине, и был рад, когда тот досадливо растянулся на полу и положил голову на руки, прекратив распространять по комнате волны своего душка.

— Без нагрузки не то, — объяснил Эндрюс нагнувшемуся к нему Теду. — Свой вес я нормально поднимаю, а для прогресса нужен какой-то утяжелитель. У тебя нет ничего подходящего?

Уоррен еле удержался от того, чтобы предложить опустить ему на хребтину железную кровать. Тейлор поискал глазами что-нибудь похожее на груз, не нашел, и недолго думая уселся Эндрюсу на плечи.

— Давай, — хихикнул он. — Я тяжелый. Можешь представить, что я ранен, а ты моя последняя надежда.

— Тогда лучше ляг, — предложил Эндрюс. — Равномернее будет.

Тейлор лег, Эндрюс начал свои отжимания. У Уоррена потемнело в глазах, когда на какую-то долю секунды он увидел на лице Теда, растянувшегося на спине Эндрюса, зачаток гримасы, непонятной стороннему наблюдателю, но зато так хорошо знакомой ему самому. Она была зеркальным отражением того, что он сам неоднократно видел в зеркале ванной, тайный код мизерного, усеченного до точки удовольствия, растерянность пополам с удивлением, подводное извержение вулкана, выдающее себя легкой рябью на поверхности, подводные сонары, крик касаток, паника среди акустиков.

— Хватит, — визгливо крикнул он. — Тут не спортзал, запах уже как в конюшне. Эндрюс, тебе не будет слишком трудно посетить душ прямо сейчас? И заодно открыть окно, чтобы проветрить место, где мы, вообще-то, спим?

Вайз и Мартинес удивленно подняли головы от своих информаториев, Тед скатился со спины, и Эндрюс встал.

— Ладно, о`кей, — мирно сказал он. — Извини. Тед, открой там окно, я пойду, сполоснусь. Наверное, на сегодня и вправду хватит.

Он неторопливо стянул полотенце со спинки кровати и удалился за дверь душевой. Тед молча посмотрел ему вслед, прошел к окну и открыл створку, свесившись наружу. Уоррен взглянул на его спину в майке с пятнами пота, брезгливо поморщился и открыл шкаф, вытянул оттуда запасную футболку, не глядя на размер. Когда через пять минут Тейлор вернулся к своей койке, Уоррен встал на его пути и протянул ему майку.

— Переоденься, — ровно сказал он. — Ты весь мокрый, простудишься.

Тед посмотрел на него отсутствующим взглядом и отпихнул его руку.

— Я сказал — переоденься, — прошипел Уоррен, хватая его за плечо. — Брось эту мерзость в стирку, она воняет, как Эндрюс.

— Пошел на хрен, — сказал ему Тейлор с неожиданной

ненавистью, чистой, как цвет его глаз. — Пошел ты к чертовой матери на хрен, Уоррен.

They bought a souped up jittny, was a cherry red fifty three
They drove it down to Orleans to celebrate their anniversary
It was there where Pierre was wedded to the lovely Mademoiselle
«C'est la vie» say the old folk, it goes to show you never can tell

Температура в зале постепенно нарастала, танцпол заполнялся, напитки в бокалах становились все крепче, а смех и вопли все громче. И вдруг неожиданно музыка прекратилась. Уоррен поднял голову — Тейлор, смеясь, перекидывал лямку соло-гитары через плечо и разговаривал с ударником. Два года его собственной терапии. Сладость или гадость?

Судя по начальным аккордам, это была старая песенка о любви, сочиненная огромное множество лет назад, как и все, что исполняла училищная гаражная самодеятельность. «Love me tender, love me sweet, never let me go…». Прожектора осветили Теда до сияющей белизны, в которой его волосы и ресницы стали угольно-черными. Гитара мешала ему приблизиться к микрофону вплотную, но звуку это помехой не было. Волна его голоса (за секунду до того, как он открыл рот, визуальное воплощение ее Уоррен внезапно увидел как прозрачное, застывшее в верхней точке перед падением цунами) прокатилась по залу и затопила его, разговоры стихли сами собой.

Когда он потом вспоминал свои собственные ощущения, то мог поклясться, что на песню он реагировал не ушами, а серединой живота, словно мышцы там стянулись в клубок и превратились в совершенно новый орган, который воспринимал происходящее отдельно от разума. Ощущение выбило из него воздух и все рациональные мысли, только на заднем фоне звякнула и сиротливо умолкла мысль о том, что терапия оказалась бессильна.

Чем дольше пел Тед, опуская ресницы, вскидывая глаза, улыбаясь микрофону, тем больше горячая болезненная пульсация в венах требовала выхода, и парочка перед ним не выдержала первой — девица залезла к своему ухажеру на колени и всосалась в него с азартом осьминога. Ее примеру последовали другие, словно незримая одобрительная команда была получена всеми одновременно. Уоррен встал, механически переставляя непослушные ноги, добрался до туалета и заперся в кабинке. Песня скоро закончилась, в зале грянул развеселый рок-н-ролл, и когда он вернулся, музыкантов на сцене уже не было, их сменил диджей с электронной музыкой.

***

Тед задержался в гримерке — не хотелось выходить в зал и

нарываться на внимание гостей, среди которых имелось устойчивое ядро его собственных поклонниц, не пропускающих ни одну вечеринку в училище. Вайз уволок свою согласную на всё ведьму на мороз и к чертовой бабушке, а единственное развлечение — посмотреть, кто висит на Эндрюсе и в каком количестве — сегодня отпадало.

Он умылся под неудобным краном в углу комнаты, заливая рукава ледяной водой, вытерся низом свитера и плюхнулся на короткий диванчик, всерьез раздумывая, не поспать ли до следующего выхода. Остановила мысль, что он замерзнет, если заснет, и, натягивая на тонкий свитер теплую толстовку, Тед успел взглянуть на пад — ни одного вызова. Ну и ладно.

Когда он нашарил макушкой ворот, ему показалось, что дверь кто-то открыл, но кроме своего отражения в мутном зеркале комнаты он больше никого не обнаружил. Долбанные страшилки Девилера…

— Чушь это собачья, — громко сказал Тед своему двойнику в зеркале. — Какой бы там дрифтер ни был, не может он столько прожить. Даже в стазисе в цепях. А ведь иногда здание и совсем обесточивают.

И тут же ему в голову пришло, что никогда корпуса не обесточиваются совсем — всегда работает охранный контур и пожарная сигнализация на аварийном питании, значит, теоретически…

В этот момент свет мигнул и погас. Тед ругнулся, торопливо нашарил в потемках выключатель и несколько раз нажал кнопку. Она не работала, видимо, коротнуло на линии. Сидеть в темноте ему не улыбалось, он вернулся ощупью к столу за падом, включил экран поярче и развернул его в сторону двери, чтобы найти дорогу. Свет под потолком опять вспыхнул.

Тед опустил руку и немного подождал, но лампы горели ровно и не собирались гаснуть. При свете собственные страхи показались ему стыдными, а диван обрел былую привлекательность. Чего он, в самом деле, испугался? Подумаешь, свет погас. Вот Лаудер сказал бы…

— …беги домой, девочка, — прошипел динамик на стене и разразился хрюкающими звуками, в которых утонуло окончание фразы.

Тед почувствовал, что пол уходит из-под ног. Он вцепился руками в спинку стула, глядя на затянутое переплетами отверстие устройства, но больше динамик не издал ни одного звука, молчал мертво.

— Что за шутки? — срывающимся голосом сказал он. — Не смешно, придурки.

Бросив пад на диван, он подошел к динамику и посмотрел на вилку — питание включено. Он покрутил настройку, приложил ухо к аппарату и зачем-то послушал его — тихо.

— Вайз, ты кретин, а не призрак оперы, — сказал он в динамик.

Если это очередной дрифтерский розыгрыш, он на него не поведется. В этот момент его пад запел незнакомой песней, хрипло и страшно, подсвечивая экран миганием.

«Sing once again with me
Our strange duet…
My power over you
Grows stronger yet…»

Тед посмотрел на вызов — неопределенный номер. Он в бешенстве нажал кнопку и выключил устройство совсем, сунул в задний карман брюк. Конечно, это Котик развлекается, на кой черт только спросил у него про призрака, дал дураку в руки бесконечный повод для шуточек. Не зря же выводящие говорят, что дрифтеры в умственном развитии недалеко ушли от своих железяк. Когда он найдет Вайза — устроит ему «три нуля», а потом…

Что он сделает потом, Тед не успел придумать, потому что, распахнув дверь, почувствовал, как в легкие проникает ледяной холод — человек в костюме призрака оперы стоял на пороге, прижимая к себе цветы. Маска его в тусклом коридорном свете напоминала лицо мертвеца, и словно в противовес лицу, цветы были по-настоящему живыми.

Глава 5. Человек-невидимка

Если бы в дрифте можно было смеяться, Гейл хохотал бы как ненормальный, до того испуг и подозрения Тейлора его позабавили. Хорошо бы он и вправду навалял Вайзу по самое не хочу, вот была бы потеха. О каком призраке тот говорил в ухо динамика, Гейл не понял, но в эфире носились треки мюзикла с таким названием, хотя и плохого качества, и он ими воспользовался, чтобы заменить мелодию на телефоне Теда. Пугать Принцессу по-настоящему в его планы не входило, но Тед замолчал, скорее всего, слинял из комнаты от греха подальше, так что Гейл с чистой совестью переключился на другие каналы.

Вновь открытые возможности радиостанции не на шутку увлекли его — небольшая корректировка зоны приема и установленная связь с ретранслятором на главном высотном корпусе давали обширные возможности, в том числе и на ознакомление с сетью «жучков», рассыпанных по территории и корпусам училища. Масштаб и разветвленность этой сети его поразили. При желании можно было услышать слово каждого из курсантов где угодно — от туалета до спальни, глухими зонами были только личные преподавательские квартиры и кабинет начальника училища. Все аудитории тоже прослушивались, и Гейл, вспомнив, какими иногда словами курсанты награждали того или иного преподавателя за спиной, захотел провалиться сквозь землю. Правда, он успокоил себя тем, что слушать всех и всё ни у кого ушей не хватит, пришлось бы держать целый штат сотрудников, а на кой черт это надо, когда кроме как «Череп» и «Лысый хрен» начальника училища полковника Мерла уже много лет никто не называет. Передаются эти прозвища от старшего курса к младшему, и все давно о них знают.

Он еще немного послушал музыку в зале, но это было не так увлекательно, как подслушивать происходящее за сценой и в разных других уютных закутках, куда разбрелись парочки. Корпуса стояли пустыми, преподаватели разъехались по теплым секторам, оставив за себя дежурных, и Гейл некоторое время слушал треп Полипа с другими такими же неудачниками, оставленными наблюдать за порядком на вечеринке. С особенным злорадством он узнал, что Полип лишился выходного в связи с отъездом Лаудера. Больше ничего интересного выяснить не удалось, за исключением того, что дежурные офицеры умеют очень аппетитно чавкать.

Гейл скомандовал сам себе выход и с тоской заглянул в свой пакет — сухой паек скоропостижно скончался. Полип, конечно, не

оторвет зад от стула, чтобы проведать арестанта и выяснить, не умер ли тот с голоду, а ведь Лаудер, хоть и был злым как черт после возвращения из зоны Эдера, морить его голодом не приказывал. Значит, будет вполне честно получить свою долю хэллоуинских тыквенных пирогов. Имеет право.

Он взглянул на показатель заряда в батарее и понял, что нужно поторопиться с поисками Теда, включился снова и поочередно прослушал все ближайшие к залу точки — голос Теда нигде не улавливался. Гейл переключился на казарму — вдруг Тед соскучился и ушел с праздника? Но в спальне было тихо, и даже кроватная сетка нигде не скрипела. Гейл решил рассуждать логически — если бы он был Тейлором, что бы он делал после концерта? Пошел бы в зал, натрескался бы вкусностей — это понятно. Сидеть и слушать электронную музыку Тед не станет, значит, пойдет покурить. Допустим, пару сигарет с ребятами он пропустит на крыльце, но там холодно, а ему нужно беречь горло, значит, с крыльца уйдет быстро. Подружку он себе так и не завел, и если его не ухватит никакая горячая поклонница, то вернется в комнату, где бросил гитару — он не любит оставлять ее без присмотра. Гейл снова подключился к гримерке и решил подождать.

***

— Ни хрена себе! — гримасничая, чтобы скрыть испуг, пробормотал Тед. — Ты что, ободрал оранжерею? Совсем ку-ку?

— Да, — негромко сказал призрак. — Хотел больше, но я торопился. Возьми.

— Ты спятил? — Тед посмотрел на него как на больного. — Тебе за них голову оторвут, цветы в оранжерее вообще нельзя трогать. Отнеси туда, где взял, может, еще не заметили.

— Это тебе.

— Ты глухой? — Тед начал злиться. — Я сказал — отнеси обратно. Ты хоть понимаешь, что натворил?

Гость небрежно бросил цветы в угол комнаты.

— Понимаю, что тебе не нравится, — равнодушно сказал он. — Жаль. Ты прекрасно пел. Солистам всегда дарят цветы.

— Ты с какого курса, такой незамутненный? — против воли засмеялся Тед. — Череп тебя убьет, если узнает. И меня заодно. Он и на праздники-то каждый цветок со скрипом дает срезать, а если спалит браконьера…

— Я хотел, чтобы они были у тебя.

— Спасибо, но лучше не надо. Давай ты заберешь их, я сделаю вид, что ничего не видел, и мы забудем об этом, ладно? Я никому не скажу, честно.

Призрак стоял молча, и Теда это молчание снова начало

раздражать. Неужели непонятно объяснил?

— Послушай, — начал он, стараясь выдавить дружелюбную улыбку, — я оценил риск и все такое, тебе нравится наша музыка, тоже о'кей, но цветы нужно убрать отсюда. Желательно, чтобы тебя с ними никто не увидел, спрячь под плащ и вынеси незаметно.

— Цветы предлог, — призрак сделал шаг вперед. — Я хотел увидеть тебя. Я очень давно тебя не видел.

Он протянул руку и дотронулся до его плеча.

— Увидел и проваливай, — грубо сказал Тед, отпихивая его руку. — Сейчас ребята вернутся.

— Не вернутся, — гость снова двинулся вперед и Тед непроизвольно попятился — расстояние переставало быть безопасным. — Там пироги принесли, они заняты.

— Я тоже собираюсь пойти в зал, так что…

Призрак засмеялся.

— Выпей со мной за Хэллоуин?

Он достал из внутреннего кармана плаща бутылку тыквенного сидра, открутил пробку и протянул Теду.

— Хорошо, — Тед поколебался, но пробка на вид показалась ему заводской и цельной, и он взял бутылку. — Но потом ты уйдешь, договорились?

— Договорились.

Тед приложил горлышко к губам. Вкус у сидра был странным, поэтому он с трудом сделал маленький глоток и протянул бутылку назад. «Теперь уходи», — хотел сказать он, но понял, что язык ему не подчиняется и голос тоже. Наркотиком питье не было, сознание никуда не делось, но слизистую рта и горла заморозило основательно. Тед закрыл рот рукой и метнулся к раковине, но призрак перехватил его и прижал к себе.

— Ничего страшного, не надо бояться, — успокаивающе шептал он в ухо, пока Тед отчаянно пытался освободиться. — Это не яд, это всего лишь местный анестетик, используется при обследованиях кишечника, чтобы подавить рвотный рефлекс в горле. Это ненадолго и безвредно. Я знаю, что такое голос выводящего.

Тед лягнул гостя ногой, дернулся еще несколько раз, но понял, что не справится — тот был выше ростом и намного тяжелее, хватка у него была железная. Тогда Тед сделал вид, что успокоился, уже не сомневаясь, что имеет дело с фанатом-психом, и когда тот усадил его на диван, сделал вид, что не собирается бежать. Призрак поверил, и тогда, воспользовавшись секундной паузой в его движении, Тед вцепился в маску и сдернул ее.

— Здравствуй, Тедди, — сказал Уоррен, глядя, как расширяются зрачки Тейлора.

Глава 6. Эфирное создание

Прослушка гримерки ничего не прибавила к существующему положению вещей, Теда он там не засек. Говорил только чей-то незнакомый голос, и, судя по нежным словечкам, там намечалось романтическое свидание. Гейл даже позавидовал удачливому парню и его подружке, однако его проблему это не решало. Тед мог сидеть в зале и болтать со своими поклонницами, тогда в общей массе его не услышишь и жратвы не выпросишь. Неужели Тейлору настолько плевать, что его дрифтер скопытится с голодухи в эту ночь? Друг, называется. А еще синхронист… Вот он, Гейл, догадался бы подумать о других.

Он снова со злости послушал жучки на улице — обычный треп парней за сигаретами, но вдруг?

— Разойдись, мужики.

— Перебрал, Лухан? — сочувственно спросил чей-то голос. — Вот нахрена столько пить?

— Я не…

Невидимого Лухана, которого Гейл знал как верзилу-третьекурсника под два метра ростом, шумно вывернуло наизнанку, и Гейл с облегчением подумал, что завтра включат дроидов, и убирать это руками никому не придется, а то мало ли на что толкнет Полипа мстительность и наличие бесправного арестанта.

— Вот что значит жрать в два горла, — заржал кто-то. — Ивана уже отполоскало, теперь твоя очередь. Закусывать, между прочим, надо, и коньяк с пивом не мешать.

— Иди на…

Слушать перебранку было неинтересно. Гейл переключился на туалетные кабинки — помимо основной функции в праздники они исполняли роль приватных любовных апартаментов, и он понадеялся, что какая-нибудь парочка, а лучше две, подарят ему забойную звуковую дорожку взамен оставшегося в паде порно, но и там ему не повезло — кому-то тоже было плохо, причем он узнал голос Вайза.

— …твою ж мать, — сказал Котик и снова, судя по звукам, согнулся над раковиной.

— И ты? — с сочувствием спросил кто-то у него. — По-моему, у вас тут не бухло, а палево.

— Ты охренел? — выдавил Вайз. — Это у вас такое может быть, а у нас нет.

— То-то вы все блюете по углам, — ехидно ответил его собеседник. — Парочку бравых вояк уже в медблок оттащили.

Джинни просила передать, что доберется домой сама, все равно от тебя сейчас толку чуть меньше, чем никакого.

Что ответил Вайз, Гейл не расслышал, но слова про медблок его насторожили. Если Тед был среди тех, кого отвели в санчасть, это меняет дело, и обвинения с него снимаются. Он перебрал линии, нащупал нужные жучки на медицинской территории и включился в прослушку.

— Что ели? — строго спросил голос доктора Ващанникова после плеска воды.

— Не помню, — пронял кто-то, — ну, что там на столе было, то и ел.

Звякнуло какое-то железо, потом хлопнула дверца шкафа.

— Индивидуальная непереносимость продуктов имеется? Пищевые аллергии?

— Да вроде нет…

— Пили что?

— Что наливали.

Это все было скучно, Гейл сменил линию, потом еще одну и удивился — пострадавших оказалось прилично. Он навскидку насчитал больше десяти голосов, но Теда среди них по-прежнему не услышал. Правда, Принцесса к алкоголю был «нерезистентен», как называл это Лаудер, — пьянел в хлам от запаха пробки и вырубался от наперстка виски, но Гейл быстро отмел версию напившегося Теда У него еще одно выступление во второй половине вечера, и, зная о своей особенности, Тед никогда бы группу так не подвел. «Тейлор, твою мать, да где же ты? — спросил он эфир. — И что за хрень у вас там происходит?»

***

Сопротивление и попытка побега стоили Теду разорванной толстовки и разбитой губы, сломанный стул на этом фоне выглядел минимальной потерей. Гитара, к счастью, не пострадала, и Тед испытал облегчение, когда Уоррен просто бросил его на диван и, дернув за ноги на себя, заставил съехать головой на подлокотник.

— Ты обещал со мной выпить, — сказал он. — Нужно выполнять свои обещания, так делают все порядочные люди. Я не собираюсь причинять тебе вред. Никогда не хотел, ты же знаешь.

Тед размахнулся ногой с намерением врезать Уоррену снизу в челюсть, но тот одной рукой перехватил и придавил оба его колена к дивану своим весом. Потом он захватил обе его руки в одну свою движением, выдававшим профессионализм младшего медицинского персонала, наклонился ближе к его голове и поднес к его лицу бутылку с недопитым сидром.

— Открой рот, — попросил он. — Так надо.

Тед плотно сжал губы и ударил по бутылке головой в надежде выбить или расплескать проклятое пойло. Это не сработало. Уоррен успел ее отдернуть, но атака его разозлила. Он больно навалился Теду локтем на подбородок, дождался, пока челюсть под давлением сместится, и всунул горлышко бутылки между зубами жертвы. Жидкость потекла внутрь, глотать Тед толком не мог, но и повернуть голову Уоррен ему не давал. Через пару минут он отпустил его, Тед судорожно вытер рот рукавом, мечтая о рвоте. Все, что он хотел сказать Уоррену, по-прежнему оставалось только у него в голове — голосовые связки не работали.

— Некоторые пациенты очень не любят горькие лекарства, — охотно объяснил Уоррен. — Медикам приходится идти на хитрость, потому что в итоге это на пользу, целая наука. Глотать не обязательно, это рефлекс, он работает и помимо желания.

От химии в сидре или от алкоголя фокус зрения у Теда нарушился, комната подернулась рябью. Уоррен встал и прошел к раковине, открыл воду, чтобы сполоснуть бутылку под струей воды. Тед попробовал использовать его отсутствие, чтобы вскочить с дивана, но руки и ноги не послушались, он только перевалился на бок и скатился на пол, ударившись о пластик затылком. В другое время было бы больно, но сейчас он отметил только небольшое давление — чувствительность была понижена, он просто-напросто был пьян. Уоррен обернулся на звук и засмеялся.

— Алкоголь быстро работает, — сказал он. — Самая лучшая анестезия для тебя.

Тед опустил голову на пол — так комната хотя бы не шаталась и не вызывала желания остановить эту карусель. Ему стало все равно, что с ним будет дальше. Хорошо было бы отрубиться и проснуться, когда идиотский сон кончится, и кто-нибудь из ребят пнет его в поясницу со словами: «Ну, ты и нажрался вчера, Тейлор».

Уоррен тихонько сел рядом, расшнуровал его ботинок и снял с ноги вместе с носком. Так же он поступил и со вторым, а вялую попытку Теда отбиться пресек, зажав босые ступни между своих колен.

— Не бойся, Тедди, — сказал он, неторопливо запуская ладони под его толстовку. — Просто лежи так. Торопиться некуда, концерта не будет. А я буду. Сейчас я уже для тебя не пустое место, правда?

***

"Тедди... Концерта не будет..."

Гейл сложил услышанное со звуками возни и странным

молчанием Теда, количеством пострадавших на празднике и почему-то не к месту пришедшей на ум флоат-камерой, перевел радиостанцию в режим передачи и ударил по пультовой, где дремал Полип, морзянкой, забив все штатные частоты.

«Диверсия на празднике. Диверсант в зале. Срочная эвакуация. Тревога».

Этого ему показалось мало, потому что Полип был неповоротлив. Гейл дотянулся до системы пожарной сигнализации и сменил параметр получения сигнала на истинный. Взвыла сирена, и в праздничный зал из потолочных рассеивателей хлынула вода. Воплей выскакивающих на улицу гостей Гейл не слышал — в режиме передатчика радиостанция на прием не работала, но сейчас это было неважно.

«Найдите Теда Тейлора, диверсант рядом с ним», — продолжал передавать он. — «Найдите Теда».

Он не видел, не мог видеть, как показатель заряда радиостанции подполз к красной черте, мигая и подрагивая.

Глава 7. Диверсант

По дороге на стоянку Тед отчаянно цеплялся за все углы, чтобы остановить Уоррена, но силы были неравны, а людей на пожарной лестнице им не встретилось. Пустынный подземный переход к стоянке обледенел так же, как и всё на улице. Несколько раз Тед падал на землю, но Уоррен досадливо морщился и легко поднимал его. В одном из падений Теду удалось утянуть Уоррена с собой, они вдвоем свалились на скользкие плиты, но после неудачной попытки освободиться Уоррен вывернул Теду руку до хруста в суставе и аккуратно ткнул лицом в асфальт. По переносице потекло теплое.

— Пожалуйста, Тедди, не мешай мне, — вежливо попросил он. — Я не хочу, чтобы тебе было больно. Не заставляй меня.

Тед мог промычать только что-то невразумительное — ни язык, ни горло все еще ему не подчинялись, и окружающее по-прежнему выглядело дымчатым.

— Я дам тебе возможность идти самому, если ты перестанешь мне мешать. Иначе мне придется на некоторое время оставить тебя полежать здесь, но тогда ты пропустишь самое интересное — конец Головастика. Ты хочешь его увидеть?

Он повернул голову Теда к себе и посмотрел ему в глаза. Разбитая бровь на некоторое время отвлекла его — он скатал комок из наметенного в трубу снега и приложил ко лбу Теда, другой рукой удерживая его за подбородок.

— Надо сразу прикладывать лед, иначе будет отек, — деловито пояснил он. — А так отделаешься простым синяком, я его потом в два счета сведу. Должен сказать, что ты ведешь себя ужасно глупо. Я честно дал Эндрюсу выбор — угощение или жизнь, и он выбрал угощение, никто его за язык не тянул. Без меня ты его сам не найдешь, а я знаю, где он, и он оттуда никуда не денется до моего прихода. Если пересечет радиус, у него сработает браслет. По мне, так это было бы лучшим выходом, умирать в сознании страшно, но теперь уже как получится. Он больше не будет твоим напарником, Тедди. Ты можешь пойти вместе со мной посмотреть, как закончится его никчемная жизнь, либо останешься здесь в переходе дожидаться моего возвращения. Скажи, какой вариант тебе больше нравится? Пойдешь со мной?

Тед через силу кивнул. Уоррен отпустил его и снова рывком поставил на ноги, стряхнул снег с толстовки и заботливо натянул ему на голову капюшон, даже поправил так, чтобы выглядело аккуратно.

— А то простудишься, ты же босиком, — сказал он. —

Впрочем, если ты заболеешь — я тебя вылечу, не сомневайся. Хотя подозреваю, что ты проблемный пациент, но я работаю с любыми.

Тед дрожащими руками прижал капюшон ко лбу, больше для того, чтобы кровь перестала течь в глаза.

— Головастику везет, — сказал Уоррен, когда гулкая темнота гаража впустила их в себя: обесточенные электронные замки не работали. — В прошлый раз выкрутился чудом, но только потому что пришлось все пустить на самотек. Если бы я проконтролировал процесс, все закончилось бы как надо.

Тед издал звук отвращения, но Уоррен только засмеялся.

— Знаешь, я мечтал стать твоим напарником. У меня были задатки универсала, если бы Лаудер не решил иначе. А теперь я решаю, и он больше никому не вычеркнет два с половиной года из жизни. После этой вечеринки его турнут из училища, а так как дрифтер из него дефектный, я это точно знаю, то быть ему диспетчером в порту. Там ему самое место, ублюдку. Мы еще сходим посмотреть на него потом, обещаю. Ты и я.

Кар открылся, вскинул вверх дверь словно крыло, приглашая войти, но Уоррен вдруг остановил Теда и болезненно скривился.

— Помнишь, как ты играл на гитаре, поставив на меня ногу? — спросил он, дергая щекой. — На первом курсе.

Тед не помнил этот эпизод, но кивнул — не стоило сейчас ссориться с Уорреном, нельзя допускать, чтобы он нашел Гейла первым.

— Ложись на пол, — сказал Уоррен. — Тут довольно грязно, но это ничего, так даже лучше. Пожалуйста, Тедди, ложись лицом вниз.

Тед продолжал стоять неподвижно, и Уоррен нажал ему на плечо, наклоняя вперед головой.

— Ложись, — мягко повторил он. — Надо.

***

— Давай, Котяра, думай, где еще может быть Тейлор? Хочется уже под одеялко вместо этой канители.

Мартинес не договорил, сорвался в зубодробительный озноб и несколько раз подпрыгнул и присел, чтобы согреться. Вайз сморщил лоб, поворачиваясь в разные стороны, словно пытаясь по направлению ледяного ветра угадать, куда отнесло Теда. Темнота вокруг была кромешной, и только вдалеке у главного корпуса мелькали огни полицейских машин.

— Да хрен знает, — наконец сказал он. — Уйти за территорию он не мог?

— Только если раньше, сейчас уже все оцепили. А если на территории, то где?

— В нашей казарме его нет, а другие обшаривают еще. Туалеты в главном корпусе проверяли?

— Я там был, — огрызнулся Мартинес, выковыривая сосульку из волос. — Шарился там под этими струями. Сучьи поливалки…

Вайз посмотрел на его промокшую куртку, начавшую дубеть на морозе, на всякий случай поднял свой воротник и сунул туда нос. Ветер задувал под одежду ледяную крошку, куда идти было непонятно, а стоять без движения — холодно, поэтому он просто подышал на замерзшие руки и сунул их под мышки.

— Интересно, — задумчиво сказал он. — Походу, что-то действительно серьезное стряслось, раз даже Лаудер примчался. Хотел бы я знать — что.

— Ты не отвлекайся от Тейлора, соображай давай, а то Полип нас с потрохами сожрет, если не прогнется перед начальством. Куда он мог пойти? Может, выводящие любят посидеть в темноте и поплакать? А? Или частушки матерные попеть в укромном уголке?

— Выводящие такие же люди, как дрифтеры, — засмеялся Вайз. — Кровь младенцев не пьют, по кладбищам не завывают. Где угодно он может быть. Все корпуса не успеем посмотреть все равно. Кстати, видел? Какой-то придурок разбил личную оранжерею Мерла и все цветы выкосил, ублюдок. Найти бы его и навалять, теперь Череп зверствовать будет на зачете.

— В изоляторе Тейлора тоже нет, — игнорируя вопрос Вайза, попытался проявить логическое мышление Мартинес. — Ультрафиолетовая не работает, вакуумная отключена, бассейн слит, делать там нечего. Из зала всех выгнали на улицу, казармы проверяют, в санчасти полно народу, его уже сдали бы. Слушай, а может он подружку себе нашел и завис с ней где-нибудь на складе?

Вайз громко и неприлично заржал.

— Прикольно, если на том складе, где Эндрюс, — давясь смехом, протянул он. — Будет у Головастика порево с эффектом присутствия!

— Котичек, а ты ведь гений, — торжественно сказал Мартинес. — Где Эндрюс?

Вайз резко оборвал смех и испуганно уставился на друга.

Глава 8. Аутодафе

— Приехали.

Уоррен вышел из кара и вытащил Теда, но при первом же его рывке в сторону ухватил за капюшон и стянул ткань в кулак у него на горле.

— Не веди себя глупо, сколько можно повторять? — терпеливо сказал он. — Не надо отходить от меня.

Он дернул шатающегося Теда к себе, точно тот был животным на поводке, и заставил его идти рядом. Склад был пустым и темным, слабое освещение делало его почти пугающим. Уоррен в нерешительности остановился на пороге, оглядывая темные стеллажи. Внутреннее чувство говорило, что в темноте может скрываться что угодно, а явное отсутствие Гейла настораживало. Если тот слышал их приближение, то мог сейчас спрятаться, чтобы напасть из какого-нибудь укрытия, которое заметить непросто. Уоррен сделал пару шагов к ближайшей полке, посмотрел сам и показал Теду небольшой предмет. Зажигалка Эндрюса.

— Он где-то здесь, — уверенно сказал он. — Думает, я такой дурак и пойду внутрь его искать. Нет, мне это не нужно.

С этими словами Уоррен толкнул ногой канистру с бензином у стены. Таких канистр был целый ряд. Они использовались для преподавательских каров на территории училища и еще не были расставлены на места хранения, заполнен был только первый ряд. Небольшие баки с ярко-желтой маркировкой и значком «огнеопасно», Тед хорошо их знал.

— Жаль, что ты не можешь говорить, — заметил Уоррен Теду. — На твой голос он, возможно, прибежал бы.

Он еще немного подождал и добавил:

— Не так уж принципиально для меня увидеться с ним перед смертью. Я делал это для тебя. Но, кажется, он не хочет тебя видеть…

Продолжая держать Теда, Уоррен нагнулся, открутил крышку с ближайшей канистры и ударил по ней ногой, удовлетворенно наблюдая за тем, как бензин растекается по полу. Точно так же он поступил со следующей, и еще с несколькими по ходу их движения вдоль опасной полки. Тед пытался вцепиться ему в руку и помешать, но в ответ получал лишь еще сильнее затянутый на шее ворот, пока не захлебнулся удушьем. Еще несколько канистр лишились пробок и растеклись маслянистыми лужами. Уоррен ногой отталкивал пустые емкости дальше в проход, и они скользили по жидкости, точно шары в боулинге по дорожке.

Когда горючего было разлито более чем достаточно, он взял зажигалку Гейла и откинул крышку. На краю железной коробочки заплясал маленький огонек. Уоррен закрыл крышку, и огонек погас, потом снова открыл ее. Завораживающая игра в шаге от смерти. Сладость.

— Когда пожар потушат, виноват будет Головастик, который курил в неположенном месте,— охотно объяснил он Теду. — Его тело опознают и найдут обломки этой самой зажигалки. Так гораздо смешнее, чем убивать его другим способом.

Странное движение, натянувшее ткань свитера, заставило его обернуться. Тед дотянулся до ближайшей канистры на стеллаже и открутил крышку. Емкость он с трудом поднял над головой.

— Ты что делаешь?

Бензин хлынул глянцевым потоком на лицо и волосы Теда, стекая за ворот толстовки, и быстро образовал темное озеро у его ног. Уоррен оттолкнул Теда от себя и сам отпрыгнул назад, с недоумением вглядываясь в его лицо.

— Ты с ума сошел? Зачем ты это сделал?

Тед криво усмехнулся.

— Тед, пожалуйста, послушай меня, это опять твоя глупость, — торопливо сказал ему Уоррен. — Поставь канистру и иди сюда, Тед. Иначе ты сгоришь как Эндрюс, здесь будет большой взрыв. Это страшно и больно.

Он поднял в руке зажигалку так, чтобы Тед ее увидел и испугался. Но Тейлор не сдвинулся с места, плотно сжав губы.

— Тед, не надо так, — дрогнувшим голосом попросил Уоррен, все еще продолжая держать зажигалку. — Я же не хочу убивать тебя, я желаю тебе добра. Ты тоже не хочешь сгореть заживо, я знаю. Ради чего? Эндрюс тебя не стоит. Пойдем со мной.

Он протянул к Теду руку, но Тед продолжал молчать, и рука Уоррена в нерешительности повисла в воздухе — коснуться Теда, облитого бензином, он не решался.

— Тедди, — прошептал он. — Пожалуйста…

Тед вскинул на него глаза, в которых была такая же ненависть, как и два года назад. Одними губами он произнес слово, которое, хотя и не прозвучало, но было узнано Уорреном мгновенно.

— Отвали, — сказал Тед.

Мартинес свалился на Уоррена точно снег на голову, вырвал у него зажигалку и зашвырнул в угол склада.

— Ба, знакомые все лица! — протянул он, разглядев поджигателя. — Котик, глянь, какая тут у нас сучка!

В дверях показалась необъятная черная тень. Внезапность

нападения сбила Уоррена с толку на долю секунды, но этого хватило. Тед не стал дожидаться, пока тот осознает перемену в расстановке сил, развернулся и побежал в конец склада в поисках Гейла. Вайз тем временем запер входную дверь, подпер ее шваброй, и остался стоять к ней спиной, сложив руки на груди. Мартинес подмигнул Уоррену и помчался вслед за Тейлором.

Найти Гейла не составило труда. Эндрюс и не думал прятаться, лежал в бельевой на куче пакетов в наушниках со спокойным лицом, и Тед обрадовано плюхнулся на колени рядом с ним, собираясь разбудить. Но что-то в неподвижности Гейла показалось ему знакомым. И до того, как мысль у него оформилась в слова, он уже знал — что.

Гейл был в дрифте, жесткость его тела говорила об этом однозначно. С чем тут можно было дрифтовать, и главное — зачем? Тед потянул за провод от наушников, вытащил из груды пакетов радиостанцию, в которой мигал диод, сигнализируя о ведущейся передаче. Тед вчитался в морзянку и понял, почему сработала сигнализация в клубе, спугнув Уоррена, почему полилась вода, и откуда взялись Вайз с Мартинесом на отдаленном складе.

«Призрак оперы» охранял его.

Показатель заряда радиостанции угрожающе мигал. Тед свалился рядом с Гейлом и простучал по корпусу радиостанции код угрозы обесточивания, одновременно чувствуя, как ослабевает действие анестетика в горле — черная полночь закончилась, дьявольщина теряла силу. Небольшой размер прибора вселял надежду, что Гейл его услышит и без специальной аппаратуры, он продолжал отстукивать ему код выхода, пока Гейл не открыл глаза и не встретился с ним взглядом.

Глава 9. Поединок

Гейл окинул глазами грязный и разорванный свитер Теда, промокший бензином, его разбитое лицо и босые ноги, дотронулся до горла, где отпечатался красный след. Он не стал ничего говорить, поднялся и пнул дверь бельевой наружу, едва не убив оказавшегося за ней Мартинеса.

При виде Гейла Уоррен презрительно скривился — Вайзу он еще уступал комплекцией, но если здоровяк не будет вмешиваться, то Головастику свернуть голову можно и руками, это будет простая самооборона. Остальные двое не в счет.

Гейл выдернул ремень из брюк и петлей намотал его на кулак.

— Не надо, — прохрипел Тед, хватая его за рукав, но Гейл грубо оттолкнул его прямо на Мартинеса.

— Подержи, — процедил он.

Тот поймал Теда и запихнул обратно в бельевую, протиснулся следом и закрыл дверь.

— Это не твое дело, Принцесса. Это его дело, — сказал он, разрывая пакет с одеждой. — Чего застыл столбом? Переодевайся давай, пока пневмонию не получил.

Гейл приближался, но Уоррен снова только усмехнулся — Головастик по-прежнему был ниже его на целую голову. С чего он начнет? Попробует дать ему в челюсть? Сделает подсечку, чтобы уравнять возможности в росте? Но Гейл не сделал ничего такого, просто набрал скорость, налетел на Уоррена и сбил его с места, впечатав в полки. Стеллаж содрогнулся, сверху посыпались какие-то коробки, в воздух взметнулось облако стирального порошка из порванной упаковки.

Скоро порошок засыпал все проходы, вступил в реакцию с бензином и превратился в створоженную скользкую жижу, в которой противники падали, поднимались и снова падали, грязные, как черти. Уоррен успел разбить Гейлу бровь и нос до того, как тот впечатал его спиной в груду коробок и ударом ботинка свернул ему скулу. Уоррен перекатился в сторону, и это спасло его от сломанной шеи — в руках Гейла черенок швабры превратился в оружие.

Тед пробовал не смотреть в ту сторону — каждый удар, который наносил Гейл, отдавался в нем болезненным эхом, и ответные удары Уоррена он ощущал всем телом до судорог в мышцах, от них скручивало желудок. От этого ли, или от паров бензина, но его тошнило и было нечем дышать. Тед не понимал, почему Гейл все еще держится на ногах, почему все остальные

смотрят на это, почему никто не вмешивается. Он зажмурился, но, как оказалось, слушать происходящее было еще страшнее. Постепенно, когда обжигающий страх за Гейла притупился, ему стало понятно, что тот не просто бьет, а загоняет своего противника в угол, не давая тому поменяться местами и проскользнуть мимо себя к выходу, тогда Тед понял, чем все должно кончиться. Допустить этого было нельзя. Пользуясь тем, что Вайз и Мартинес пристально наблюдают за поединком, Тед метнулся к выходу, где стоял кар, на котором они с Уорреном приехали. Скользкими от бензина руками он включил зажигание и направил машину прямо в ближайшую секцию забора. Железо прогнулось, сыпануло искрами — значит, где-то на пульте сработала сигнализация. После этого Тед бегом вернулся в ангар, где продолжалась драка.

Удары Уоррена, несмотря на силу, постепенно принимали вид не наступательного, а оборонительного маневра, было понятно, что остановить Гейла он не может — навыки спортивного бокса проигрывали беспринципной школе уличного боя. И, наконец, наступил такой момент, когда склад закончился, и противники уперлись в заднюю стену. Отступать было некуда.

— Кончай его, Гейл, — коротко сказал Вайз.

Уоррен локтем высадил створку отверстия для автоматической подачи на склад пустых паллет, перекатился через бортик вниз и бросился к спасительному десятиметровому радиусу. Гейл перемахнул низкий подоконник следом за ним, в два скачка догнал и повалил врага на землю, прыгнув ему на спину. Ременная петля захлестнула Уоррену горло, Гейл зажал ее в кулаке и затянул. Уоррен несколько раз судорожно дернулся, но с каждым разом его рывки становились слабее — натяжение усиливалось, воздуха не хватало.

— Эндрюс, отставить! — услышал он крик Лаудера.

Со стороны учебных корпусов к складу с визгом тормозов подъехала полицейская машина, из которой выскочили люди. Среди них были и полицейские, и Полип, и даже учебный врач Ващанников. Лицо Уоррена представляло собой красно-синее месиво, но Гейл продолжал стягивать ремень, пока Лаудер не налетел на него и не столкнул его с жертвы. Гейла это не остановило, он, словно машина, зашел с другой стороны, но Лаудер схватил его за плечо и крутящим рывком послал в сторону. Браслет тут же зашелся истерическим писком, и Гейл рухнул затылком в наметенный снег.

***

— … как полагается. Если вы хотите видеть в действиях моего курсанта покушение на убийство…

— Я не настолько формалист, — напряженно сказал полицейский офицер. — Мальчишка молод, первое задержание, адреналин, увлекся, это бывает…

— Ваш трезвый взгляд на вещи не уступает вашей оперативности, — вежливо сказал Лаудер. — Я укажу это в рапорте вашему начальству.

— Совсем не обязательно, — покраснел довольный офицер.

В темном «небе» над головой едва заметно светилась полоса разогревающегося солара. Гейл глубоко вдохнул и неожиданно зашелся в кашле до жгучих слез. Ващанников убрал нашатырь, помог сесть и натянул ему на плечи брошенную кем-то куртку. Разрезанный браслет лежал в двух шагах, и Гейл медленно подумал, что если Полип обвинит в этом его, то врач будет свидетелем, что он этого не делал, пусть утрется.

Уоррена держали двое, на его шее багровела борозда от ремня, но лицо было залеплено гемостатическими пластырями, на руках зеленоватым светом горели наручники.

— Ну, давай, голубь, посмотрим, что у тебя там еще, — сказал офицер, подходя к нему. — Или предпочтешь добровольно заявить?

— Мне нечего заявлять, — довольно спокойно ответил Уоррен. — Я пришел на праздник, и на меня напали. Я не хотел ничего плохого.

— Что ты делал на складе?

— Пытался остановить поджог, который планировал Эндрюс в качестве мести за наказание. Больше ничего.

Гейл дернулся, но Ващанников удержал его на земле. Полицейские вывернули карманы плаща Уоррена, но кроме пары конфет там ничего не обнаружилось. Они обшарили его пиджак, потом карманы брюк и вдруг полицейский присвистнул — в пальцах у него повис маленький пластиковый пакетик синего цвета. Он аккуратно передал его старшему по званию.

— Это что? — офицер сунул Уоррену под нос находку.

— Это не мое, — подавленно сказал Уоррен.

— Понятно, что не твое, — засмеялся офицер. — Именно так все и говорят. Рекс, оформи изъятие… что тут у нас?

Он открыл пакетик и, коснувшись порошка, поднес палец к языку.

— Однако, — протянул он. — «Черный цветок». Где взял?

— Это не мое, — отчаянно повторил Уоррен, оглядываясь назад, потом по сторонам. — Я не знаю…

— Подбросили, — протянул офицер. — Как же еще оказываются наркотики в карманах человека, который столько лет числится в списке распространителей? Моя любимая сказка.

Остальное послушаю по дороге.

Он сделал знак полицейским, и те потащили Уоррена к машине, на которой приехали.

— Это не мое, не мое, не мое, — закричал Уоррен. — Не мое! Тед, скажи им! Ты не такой, как они, ты честный!

Тед отвернулся и плотнее закутался в серебристый полицейский плед. Гейл снова рванулся, но Ващанников придавил его уже ощутимо.

— Сидите тихо, — сердито прошептал он. — Там и без вас обойдутся.

— Крышка, — уверенно сказал офицер Лаудеру, натягивая перчатки. — «Цветок» в учебном заведении с присутствием несовершеннолетних — это пожизненный срок. В лучшем случае лишение гражданства и отправка на Мумбаи. Свидетелей тут более чем достаточно.

— Надеюсь на справедливое решение суда, офицер, — холодно сказал Лаудер. — Снабжать наркотиками детей — худшее из преступлений. Мы все верим нашему правосудию.

— Постараемся вас не разочаровать. Честь имею.

Офицер приложил руку к козырьку и побежал догонять своих. Гейл отодвинул Ващанникова, встретился глазами с темным взглядом Лаудера и промолчал.

Глава 10. Подозрения

Дроиды распылили по складу наполнитель, вобравший в себя лужи бензина, и, урча, мыли полы, стеллажи и стены. Полип покрикивал командным голосом, гоняя роту по складу, потому что расставлять вещи на сложносочиненные металлические конструкции дроиды лучше людей так и не научились. Пространство в проходах становилось все свободнее, пол все чище. Курсанты покрепче, вроде Вайза, Стюарта и Эндрюса, занимались заменой воды в ведрах, а тем, кому Полип по старой памяти симпатизировал, достались мелочи вроде отмывки окон и подоконников от пыли и химикатов. Тед закончил оттирать раму и с наслаждением подставил лицо лучам солара — тот жарил во всю мощь, выгоняя остатки ночного мороза из отсека, из ангара, из тела… Такэда, надраивающий соседнее окно, улыбнулся ему.

— Как самочувствие?

— Нормально. Ноги немного болят, но Ващанников говорит, что особого лечения не понадобится, хватит того, что он прописал. Бензин, оказывается, в экстренных случаях используют как растирание при обморожениях.

— Повезло, — хмыкнул Такэда.

— Он так же сказал, — рассмеялся Тед.

Взмокший от очередного рейда за водой Гейл на секунду задержался возле них и грохнул квадратный бак на пол. По выражению его лица Тед понял, что ему очень нужно поговорить, и эту аварию он подстроил нарочно.

— Как ты думаешь, Уоррен действительно притащил сюда наркотики? — спросил Гейл, дожидаясь, пока дроид всосет разлитую воду. — Или…

Тед дернул плечом, продолжая машинально тереть стекло.

— Так сказал офицер, нет причин ему не верить.

— Вот именно, что офицер, — возразил Гейл. — Но Уоррен совсем не испугался полиции, и даже сам подставился им, и лицо у него было спокойное, когда ему карманы выворачивали.

— И что?

— Он был уверен, что чист. На сто процентов уверен. Понимаешь?

— Наверное, забыл про этот пакет.

— Как можно было забыть? На нем была не повседневная одежда, а маскарадный костюм. В костюме обычно лежит только то, что сам туда положил накануне. Каждый день его никто не носит.

Такэда неодобрительно покосился на них, но промолчал. Тед

тоже не горел желанием продолжать разговор, но Гейлу было плевать.

— И когда полиция появилась, их командир сказал, что Уоррен уже несколько лет числится в списке подозреваемых в распространении наркотиков в этом училище, — гнул он свою линию. — Откуда у них такая информация? Когда мы учились, Уоррен даже спиртного не пил никогда. И не курил.

— Он просто хорошо скрывал свои развлечения.

Гейл убежденно мотнул головой.

— Никто о нем такого не слышал, я у ребят спросил. Никогда он дурь не приносил в казарму. И сам не употреблял.

— И что?

— Просто когда Лаудер его от меня оттащил, он же некоторое время держал его на земле, так Кальмар сказал, — продолжал развивать свою мысль Гейл. — Как ты думаешь, мог он за это время подбросить ему в карман пакет?

— Ты что, спятил? — раздраженно спросил Тед. — По-твоему, Лаудер таскает в кармане наркотики в училище?

Гейл смутился, но от своей идеи не отказался.

— У него могло случайно оказаться, может, отобрал у кого-то раньше. Но как факт — он подсунул ему именно наркоту, а не что-нибудь другое запрещенное — порнуху гейскую или там транки. Словно знал про этот список. Знал, что Уоррена это прикончит, и прикончил его. Без всяких сантиментов.

Тед швырнул тряпку на пол и развернулся к нему лицом.

— А хочешь знать, что я думаю? — сказал он вздрагивающим голосом. — Что если это и так — все правильно он сделал. И ты должен сказать ему спасибо, что этого психа вышвырнут с Аайи на законном основании, будешь хотя бы спать спокойно. Будь я на месте Лаудера — поступил бы точно так же.

— Точно так же? — возмутился Гейл. — Тед, но это ведь нечестно!

— Почему?

— Да потому что… это нечестно!

— То есть поджигать склад с живыми людьми честно?

— Не передергивай, — поморщился Гейл. — Если бы его за поджог взяли, я бы не возражал, но ведь ничего он не поджег. Тебя отколотил, но я ему за это уже навалял. Его должны были бы посадить за хулиганство, не найдись у него эти наркотики.

— Но они нашлись.

— Нет, не нашлись, — Гейл упрямо мотнул головой. — Его подставили. Это называется подлогом. И у человека нет никакой защиты от такого… такой…

— Подлости что ли? Ты это хочешь сказать? — в голосе Теда

нарастало что-то звенящее.

— Да, подлости, — отрезал Гейл, удивленный его реакцией. — Не знаю как ты, но я его крик никогда не забуду, до сих пор в ушах стоит. И Лаудер не имел права так поступать с ним.

— А ты пожалей его, — нагло предложил Тед. — Напиши письмо с розочками, пригласи домой в гости, с мамой познакомь, скажи, что не веришь, и что он хороший. И что тебя на третьем курсе он хотел утопить исключительно из дружеской симпатии, и сжечь заживо хотел тоже из лучших побуждений. И ты готов за него в буквальном смысле и в огонь, и в воду. Правда, у тебя еще медные трубы остались. Может, когда он тебя в шлюз сбросит, до тебя что-нибудь дойдет, придурок.

Гейл прищурился, поведение Теда было более чем странным.

— Не замечал в тебе такой кровожадности, — сказал он. — Если Лаудер когда-нибудь и от меня захочет избавиться таким же способом, быстро и надежно, ты тоже скажешь, что просто плохо меня знал? Поверишь?

— Я…

— Да ладно, проехали.

Он рывком подхватил свой бачок и потащил по назначению. Тед некоторое время смотрел ему вслед, а потом поднял тряпку и уткнулся лбом в только что отмытое прохладное стекло. Такэда покачал головой, положил ему руку на плечо, сжал и слегка встряхнул.

— Скажи ему правду, — негромко посоветовал он. — Иначе он так и будет думать.

— Нет, — отрезал Тед.

— Тогда я сам расскажу ему то, что знаю.

— И ты не расскажешь.

— Зря, — тихий Такэда вернулся к работе и больше не произнес ни слова.

Вместо эпилога

— Уважаемые пассажиры, пристегните ремни, — попросила бортпроводник-андроид. — Измените положение кресел на горизонтальное и уберите мелкие предметы в предназначенные для этого отсеки, через десять минут лайнер войдет в плотные слои атмосферы.

Звонкий голос робота вызывал головную боль, но это было терпимое неудобство по сравнению с тем, которое доставили ему на Аайе. К головной боли он за время своего пребывания под следствием уже привык, как привык к тем преступлениям, которые ему приписывали, но в которых он так и не сознался. Сейчас все эмоции снова были у него под контролем, события последних месяцев подернулись дымкой нереальности.

Всё, кроме одного.

Он вновь взглянул на фотографию, которую когда-то сделал сам, пробуя запечатлеть Теда в летучий момент их единственного совместного пребывания в карантинном боксе учебной санчасти на первом курсе, когда Тейлор в одних трусах (душ, жара) склонился над гитарой, зажав зубами сигарету (абсолютно запрещено в помещениях), сосредоточенно подбирая по памяти аккорды к песне. Слова ее Уоррен забыл, но мелодия зазвучала сейчас у него в голове отчетливо и ясно. Волосы Теда были вьющимися и мокрыми, одна из прядей свисала вперед, и когда он поднимал глаза, этот завиток выглядел сбоку ненормально длинными и густыми ресницами. Уоррену все никак не удавалось перенести эту ненормальность на бумагу, это сводило с ума.

Уоррен бережно вернул фотографию в бумажник, положил его в левый карман, в правый засунул ручку, а потом еще с полминуты рассеянно вертел в руках исчерканную бумажную салфетку.

Недавно открытая в себе способность писать стихи его немного удивляла. Видимо, в частных случаях атропин вызывает какое-то необратимое изменение в хрусталике, с которым ему предстоит научиться жить заново. Рифмы пока еще плохо поддавались, но он знал, что это вопрос времени. Тед Тейлор — тоже вопрос времени.

Он скомкал бумажку и скормил ее маленькому мусорному контейнеру в изножье ложемента. Потом откинул спинку назад и пристегнул ремни. Лайнер вошел в атмосферу и, сбросив скорость, заходил на посадку над Мумбаи-Пять, Нейтральные Территории, космодром Виктор-Сити. Уоррен, справившись со спазмом в виске, нарушившим безупречное в остальном

самочувствие, посмотрел в иллюминатор на свою новую жизнь.

Жизнь без гражданства.